

Ангор (*angor, -orisis*) — чувство страха, мучительный страх, тоска, сжимающая боль в груди, стеснение в груди, сопровождающееся затрудненным дыханием.

Латинско-русский словарь медицинской терминологии

Пятница, 10 августа 2012 года

В результате дорожно-транспортного происшествия за рулем собственного автомобиля погибла молодая женщина 23 лет. Тело пострадавшей найдено через несколько часов после драмы примерно в километре от ее дома, на выезде из Кьеврена.

Сидя в своем кабинете жандармерии, Камиль Тибо подчеркнула фразу «погибла молодая женщина» и не стала читать дальше. Отложила бельгийскую газету «Провинция» от 28 июля 2011 года и перешла к следующему конверту с номером швейцарского ежедневного издания «24 часа», помеченного той же датой. Заглянув в рубрику «Происшествия», она с первого же взгляда нашла то, что ее интересовало.

В тот день, 28 июля, в Швейцарии произошло два дорожных происшествия в тридцати километрах одно от другого. Первое оказалось не смертельным, лобового столкновения удалось избежать, и автомобилист отделался сотрясением мозга. Так что Камиль сразу же пропустила эту заметку и перешла к следующей.

Выжившие ее не интересовали.

На фото, запечатлевшем второе ДТП, был виден крупноцилиндровый мотоцикл, лежащий возле металлической предохранительной ограды. Подпись под снимком гласила: «Ужасная драма на дороге в Мейкирх». Молодая женщина с наслаждением сделала глоток зеленого чая без сахара и наконец сосредоточилась на тексте. Авария произошла около полуночи на скоростной трассе. Под влиянием алкоголя автомобилист не заметил мотоциклиста, гнавшего со скоростью больше ста

пятидесяти километров в час, и его занесло вправо. Скорость, алкоголь — обстоятельства неизбежно привели к катастрофе. Мотоциклиста нашли в тридцати трех метрах от его изуродованного «Кавасаки Ниндзя 1000».

Камиль выделила желтым флуоресцентным маркером «скончался от многочисленных травм и кровоизлияний». Изъять органы не было возможности. Она прервала чтение и сунула газету к остальным.

Шесть новых газет, присланных из разных концов Швейцарии и Бельгии... И все мимо. Морщась, как и всякий раз, когда ей приходила почта такого рода, Камиль открыла список в своем компьютере. Больше ста пятидесяти строк с датами, близкими к тому времени, когда ей сделали пересадку сердца (26, 27 или 28 июля 2011 года), и с названиями газет, откуда были почерпнуты сведения. Просмотрев рубрику «Происшествия» во всех ежедневных и еженедельных периодических изданиях Франции, она расширила зону своих поисков, включив в нее соседние страны.

В ее списке только девять строчек были выделены красным.

Девять надежд. Которые после проверки обернулись девятью неудачами.

Снова разочаровавшись, Камиль закрыла файл.

Долго смотрела на пар, поднимавшийся от чая в стаканчике. Вопросы возвращались день за днем, и каждый раз их становилось все больше.

Кто же ты на самом деле? — думала она. — Где прячешься?

Она с трудом отвлеклась от этих мыслей и снова очутилась в своем маленьком кабинете, в отделе криминальных исследований жандармерии в Вильнев-д'Аске. Настоящий город в городе — одиннадцать гектаров с жилыми и служебными помещениями, складами и ангарами материально-технического обеспечения, где трудились больше тысячи трехсот жандармских офицеров и унтер-офицеров, способных к действию в пяти департаментах к северу от Парижа, как строевых, так и нестроевых, занимавшихся лишь административной и техни-

ческой работой. Тут изрядно попахивало тестостероном, но Камиль была на своем месте среди всех этих мужчин. Сама по-мужски высокая и сильная, она, быть может, казалась всего лишь излишне плечистой при такой робкой груди. Хотя эта гордая стать только компенсировала тайные разрушения, происходившие в ее организме. Однако фигура выглядела красивой, мощной и нравилась мужскому полу.

В самом разгаре августа 2012 года добрая часть служебных помещений на три четверти пустовала — в том числе и в отделе криминальных расследований, куда ее регулярно отправляли. Среди текущих дел ничего крупного не наблюдалось, температура держалась адская, а в начале следующей недели, несмотря на безоблачное небо, синоптики предвещали грозы. Ее сослуживцы дружно покинули земли севера, и совершенно правильно сделали. Была пятница, ее собственный отпуск начинался ровно через неделю. Она предполагала провести пятнадцать дней у своих родителей, устроившихся в Верхних Пиренеях, рядом с Аржелесом. В намеченной ею программе значилось солнце, немного пеших прогулок и чтение. Ей требовалось отвлечься от бесплодных поисков в газетах, поэтому она и ждала этого момента с таким нетерпением.

А пока Камиль устроилась поудобнее за компьютером и решила поработать над лекцией, которую ей предстояло прочитать через два месяца студентам факультета криминологии и криминалистических наук Университета Лилль-2. Речь шла о том, чтобы воспроизвести здесь (возможно, в спортзале) сцену преступления с манекеном и объяснить им, что должен делать при обнаружении тела техник-криминалист. Казалось бы, пустяк, но это требовало немалой подготовки. К тому же говорить перед группой из десяти, а то и больше человек — в этом она была не слишком сильна.

Задумавшись, Камиль безотчетно теребила купленные сегодня утром сигареты: «Мальборо лайт», пятнадцать штук в пачке.

— Э, Камиль Тибо, только не говори мне, что собираешься начать курить в тридцать два года! — сказал мужской голос.

Камиль сунула сигареты в карман форменных темно-синих брюк. Перед ней стоял здоровяк лет сорока в рубашке поло — кукольная голова на теле греческой статуи, коротко остриженные белокурые волосы. Вместе с Борисом они проработали уже больше восьми лет. Он в качестве офицера судебной полиции в исследовательском отделе, расположенном в здании напротив, Камиль как техник-криминалист.

— Странные вещи творятся, — отозвалась она. — Никогда в жизни не курила, и вдруг сегодня утром захотелось купить пачку, причем именно этой марки и именно с таким количеством сигарет. Вот я и не устояла. Бред какой-то. Лишено всякого смысла.

Ее глаза уставились в пространство. Лейтенант Левак понял, что коллега снова провела гнусную ночь. Конечно, тут наверняка сыграла свою роль и удушающая жара этого знойного лета, но, в конце концов, это всего лишь погода. А лицо Камиль осунулось явно из-за какой-то тревоги.

— У тебя измученный вид. Опять тот кошмар приснился?

Им уже случалось говорить об этом как-то вечером. Камиль крайне редко распространялась о своей личной жизни — ровной и однообразной, как море в штиль, но ей хотелось избавиться от ночных мучений.

— Да, в шестой раз. В точности тот же сценарий. Понятия не имею ни откуда берется, ни что означает. Но эта женщина в моем сне обращается ко мне. Хочет, чтобы я пришла к ней на помощь.

Камиль было достаточно опустить веки, чтобы опять увидеть во всех подробностях эту женщину: лет двадцати, нагую, свернувшуюся клубком в каком-то темном месте, быть может в подвале или пещере. Она дрожала, ей было холодно и страшно. Ее черные глаза словно впивались в Камиль, глядевшую на нее в своем сне, будто сторонняя наблюдательница, бессильная что-либо изменить.

— Словно ее похитили и где-то удерживают. Она запугана. Самое удивительное — эта отчетливость сна, я его помню вплоть до мельчайших деталей. Похоже на настоящие воспоминания.

нения. На что-то... даже не знаю... На что-то, что я в самом деле видела или пережила. Невероятно.

— Похоже, так и есть.

— Ты же меня знаешь: я буду последней, кто поверит во всякое такое, во всю эту чушь насчет ясновидения, предчувствий или чего там еще... Самое потрясающее в том, что оно идет изнутри меня. Быть может, мне надо покопаться, поискать что-нибудь по этой теме или увидеться с кем-нибудь, чтобы избавиться от своего сна. Не знаю.

В последние недели Борис чувствовал, что Камиль потеряла уверенность в себе. Перенеся тяжелую хирургическую операцию, молодая женщина словно скользила вниз по длинному склону. Часто погружалась в свои мысли, становилась нервной, раздражительной на грани срыва. И об этом явно свидетельствовало то, что она упрямо собирала со всей Франции и из соседних стран газеты, вышедшие за неделю до ее операции. Она изучала их даже на рабочем месте, что уже стоило ей нескольких неприятных замечаний со стороны коллег и начальства.

— Тебя все еще мучает дело Орели Каризи, — сказал он спокойно. — Чтобы забыть все увиденное, понадобится время. Наверное, твои кошмары и есть средство, чтобы избавить тебя от этих воспоминаний.

Дело Орели Каризи... Именно Камиль тогда, в начале лета, открыла багажник машины, ограждая место преступления пластиковой лентой. Какой-то парень всадил себе пулю в голову на лесной тропинке. Все сочли это просто самоубийством, но оказалось, что депрессивный тип сначала потрудился выпустить кровь из своей восьмилетней дочурки, тело которой она и обнаружила в багажнике. Плохо закончившаяся история развода.

Хотя Камиль привыкла к виду трупов — больше пятисот с начала карьеры и не всегда в лучшем виде, — но дети... Этого она совершенно не выносила и всегда старалась договориться, чтобы ее кто-нибудь подменил. Психолог наверняка сказал бы, что эта подсознательная блокировка связана с ее собственным детством, со страхом смерти, который преследует ее с ранних лет.

— Нет, ничего общего, — сказала она. — Этот кошмар — что-то совсем другое. Женщине из моего сна лет двадцать, а Орели было всего восемь. И у той незнакомки очень характерная внешность, она похожа на цыганку.

— Маленькая Орели тоже выглядела довольно цыганистой. И к тому же в пепельнице отцовской машины нашли окурки и на пассажирском сиденье валялась пачка сигарет. Надо бы проверить, может, тоже «Мальборо лайт», пятнадцать штук в пачке. Как там тот психоаналитик говорил? Что сны всего лишь символы, верно? Он бы тебе сказал, что на самом деле ребенок во сне может появиться и в виде женщины.

— Не знаю. Может, ты и прав.

Поднимаясь из-за стола, она прихватила большую сумку, содержащую все необходимое для работы на месте преступления.

— Предполагаю, что ты заглянул не просто поболтать о таком хорошем утре? Что там у нас?

— Убийство. Твой босс уже предупрежден. А ты как? Готова?

— Честно говоря, не совсем, но выбора нет. Никогда не следует заставлять мертвецов ждать.

2

Добраться на машине непосредственно к тому месту, где обнаружили тело, было невозможно.

Борису пришлось оставить ее у подножия Кошачьей горы, расположенной во Французской Фландрии, в двух шагах от границы с Бельгией. Место окружали темные холмы, светлые низины и гладкие прогалины, постепенно исчезающие у горизонта. Солнце, висевшее в небе на заднем плане, напоминало большой любопытный кошачий глаз, как у Чеширского Кота из «Алисы в Стране чудес».

Обычно это место, весьма ценимое туристами (а эти любопытные существа водятся и на севере), посещали ради длинных пеших прогулок с заходом в местное траппистское аббат-

ство, чтобы выпить сверхкрепкого монастырского пива, а не чтобы столкнуться нос к носу с трупом.

Камиль и двое других специалистов из отдела криминальных расследований сопровождали своего начальника, вахмистра-дознателя. В нескольких метрах впереди шагал Борис вместе с каким-то жандармским унтером. Они поднимались через редколесье по довольно крутому склону.

Камиль досталась роль замыкающей. Она тяжело дышала и очень быстро устала. Жара стояла адская. Равнину вместо ветра опаляло драконово дыхание, в котором не чувствовалось ни малейшей прохлады. Такое пекло держалось уже несколько недель. Все с нетерпением ждали обещанных гроз, даже несмотря на то, что они могли оказаться крайне яростными и сулили немалый ущерб.

Молодая женщина вела себя так, будто все хорошо, хотя догадывалась, что за два-три последних дня механизм в глубине ее тела начал откровенно отказывать. Вчера утром, когда она вставала с постели, прозвенел первый тревожный звоночек: ей вдруг так сдавило грудную клетку, словно изнутри выкачали весь воздух. Конечно, кардиолог запретил ей интенсивные и длительные усилия, но если она в своем возрасте не в силах даже подняться на холм, то лучше уж сразу сдохнуть.

К счастью, наконец они добрались до места назначения.

Ребята из жандармерии Байоля были уже там. У них был приказ охранять пространство примерно в десять квадратных метров вокруг трупа, пока не прибудет оперативно-следственная группа.

Тело лежало в траве, немного в стороне от тропинки. На первый взгляд молодой человек лет двадцати, в футболке и кедах. Его шея была обмотана чем-то вроде резинового эспандера.

Борис заговорил с коллегами из Байоля, а трое техников-криминалистов стали молча натягивать на себя одежду, делавшую их похожими на белых кроликов: глухой хлопчатобумажный комбинезон, пара перчаток, бахилы и маска на резинке. Вахмистр взял на себя обязанности кокрима, то есть координатора криминалистических операций. Его задачей было организовать работу техников и следить за тем, чтобы никто ни-

чего не забыл, потому что из-за малейшей ошибки под сомнение могла быть поставлена вся процедура дознания.

Камиль и двое ее коллег, тяжело навьюченные оборудованием, начали свою кропотливую работу под присмотром кокрима. Надо было натянуть между деревьями пластиковые ленты с надписью «Национальная жандармерия», указать резиновыми стрелками путь, ведущий к трупу, расположить пронумерованные вешки перед каждой приметной деталью на месте преступления, после чего начать его прочесывать, осматривать каждый квадратный сантиметр травы, выписывая траекторию улитки. Учитывая, что им предстояло сделать сотни фотографий, заметок, чертежей, перечней улики, это должно было занять у них все утро.

— Проблемы, Камиль?

Прошло немало времени. Через два часа после прибытия молодая женщина стояла, привалившись к дереву. Она спустила комбинезон до талии и вытирала себе лоб последним носовым платком из пачки. Ее голубая рубашка промокла насквозь. Встревожившись, Борис подошел справиться о ее самочувствии.

— Я в порядке. Просто... как-то странно себя чувствую. В этих комбинезонах от жары содохнуть можно.

— Ты бледная.

— Знаю. Надо было позавтракать, съесть что-нибудь. Я ведь не собиралась покидать казарму. Но это пройдет.

Она выпрямилась, пытаясь снова взять себя в руки. О том, чтобы проявить слабость, и речи быть не может. Она вернулась к работе всего три месяца назад после долгого курса реабилитации, когда руководство уже поставило вопрос о ее переводе на какую-нибудь конторскую должность. Но Камиль дралась изо всех сил, защищая свое право по-прежнему выезжать «в поле» и возиться с мертвецами.

— Тут три пустые пивные бутылки и две непечатых, — сказала она. — Еще рядом с велосипедом и рюкзаком нашли косячок и немного травки.

— Личность установили?

— При себе никаких документов и пока никакой возможности установить, кто это. Но скорее всего, кто-то из местных. Видимо, прикатил сюда на велосипеде, чтобы малость расслабиться. Кругом тишина, закат солнца над Фландрией... К несчастью, это, наверное, было последним, что он видел.

— Убийца какие-нибудь явные следы оставил?

— Следов обуви никаких. Земля слишком твердая и сухая. Магнитный порошок выявил несколько папиллярных следов на концах эспандера, но они слишком фрагментарны. Посмотрим, конечно, что удастся вытянуть в лаборатории, но, по моему, ждать ничего не стоит.

Камиль не торопилась и спокойно дышала. Но чувствовала себя все хуже и хуже. словно ее сердце перенапрягалось, с трудом накачивая кровью раскаленные мышцы. На нее снова нахлынули дурные воспоминания: ей уже случалось чувствовать такие симптомы.

И этот кошмар начинался снова.

Тем не менее она постаралась сосредоточиться.

— Должно быть, жертва пыталась защищаться, под ногтями большого и указательного пальцев правой руки обнаружены частицы кожи. Так что у нас наверняка будет ДНК убийцы. А пока мы предохранили кисти убитого полиэтиленовыми пакетами, чтобы избежать загрязнения.

Борис тщательно записывал все, что говорила Камиль. Каждый раз, выезжая на место преступления, она выходила за рамки своих обязанностей, состоявших исключительно в сборе улик, поскольку техники-криминалисты никогда сами не вели расследование, и позволяла себе интересные и толковые гипотезы.

Она обладала незаурядной наблюдательностью, верным глазом и хорошим чутьем. «Дьявол таится в деталях» — Камиль сделала эту швейцарскую поговорку своим девизом. Она могла бы стать чертовски хорошим «полевым» офицером, если бы не проблемы со здоровьем.

Но молодая женщина знала, что ей никогда не стать дознавателем.

В этот момент она рассматривала сцену преступления в целом, словно картину со сложной символикой. Крупные планы, потом общие, макро, микро. Ее глаза обшаривали пространство, поглощали свет, что-то вычисляли. Борис уже заметил, с какой тщательностью она осматривала трупы, каждую черту их неподвижных лиц, стоило ей прибыть на место преступления. Словно искала ответы в глубине этих застывших зрачков.

— Он защищался, как мог, — продолжила она. — Но, учитывая выпитый алкоголь и выкуренный косяк, борьба для него была проиграна заранее.

Позади них послышались голоса. Прибыли люди из похоронной конторы, которых вызвал Борис Левак. Они разложили носилки, расстелили мешок на молнии и уже приготовились забрать тело в Институт судебной медицины Лилля, где эстафету примут ребята из морга и заморозят жмурика до вскрытия.

Лейтенант велел им подождать и вернулся к Камиль, которая по-прежнему стояла, прислонившись к своему дереву, и пристально смотрела на тело.

— Будешь на вскрытии? — спросила она.

— А ты видишь тут других охотников до бифштекса с кровью? Можешь, кстати, и ты присутствовать. Если пожелаешь, конечно.

— Замечательная идея. Думаешь, это как раз то, чего мне не хватает перед отпуском?

Камиль посмотрела на него с бледной улыбкой, потом вернулась к своим предположениям:

— Слушай, если тебе надо удавить кого-то, что тебя может заставить воспользоваться эспандером? Не самая удобная штука для такого дела.

— Наверное, у нашего убийцы только он оказался под рукой.

— Значит, можно предположить, что убийство не было продуманным. Когда решаешь кого-нибудь убить, то, прежде чем действовать, обдумываешь способ, который тебе даст наилучшие шансы. Крепкая веревка или провод для удушения гораздо эффективнее. А тут смотри, ему пришлось затягивать изо

всех сил из-за эластичности резины. На шее осталось несколько борозд, словно он принимался за дело несколько раз. И ты редко бросаешь орудие убийства на месте преступления из опасения оставить вместе с ним отпечатки пальцев. Это даже... — Она с натугой перевела дух. — ...даже самый непроходимый тупица знает.

Безостановочно щелкал фотоаппарат, запечатлевая неприятное зрелище для вечности. Вид трупа уже изменился. При 28–29 °С на термометре он скоро станет похож на воздушный шар.

Вдруг Борис почувствовал, будто кто-то надавил на его руку, а потом — ничего.

Камиль уже лежала на земле, прижав ладони к груди в области сердца.

Лейтенант тотчас же опустился перед ней на колени:

— Что с тобой?

Лицо молодой женщины скривилось от боли. Она с трудом повернулась на бок и еле выдохнула:

— Вызови «скорую»... Похоже... у меня... сердечный приступ.

3

**Через четыре дня в 150 километрах оттуда.
Вторник, 14 августа 2012 года**

Ночные грозы принесли с собой разрушения. Проливные дожди низвергались на пересохшую землю, просачиваясь в малейшие расселины, разбушевавшиеся ветры вздымали волны на море, сдували черепицу с крыш, обрывали провода.

Так что во вторник утром Франция проснулась среди хаоса. Это был час подсчета ущерба и первых починок. Жюль и его коллега Арман, обходчики Национального управления лесов, таких опустошений даже упомянуть не могли. Нисходящие потоки воздуха образовывали сокрушительные шквалы, и это стало настоящей катастрофой для деревьев, росших на опушках.

Лес Лэг в департаменте Уаза буря тоже не пощадила. 14 августа 2012 года будут вспоминать, как когда-то вспоминали 26–27 декабря 1999-го.

Около десяти утра обходчики остановили свой мини-фургон на узкой дороге в окрестностях деревни Сен-Леже-о-Буа. Прежде чем приняться за работу, они прослушали сообщения по радио и выпили по два-три стаканчика крепкого кофе из термоса. По радио говорили в основном об обрывах электрических проводов, о наводнениях на западе и юге, о туристических трейлерах, унесенных потоками воды. Предвещали ущерб в миллионы евро.

— Все-таки это черт знает что. Безумие какое-то, — сказал Арман, доставая инвентарь из задней части машины. — Накануне в горизонтах грунтовых вод ни капли не было, все пересохло, а на следующий день — поди ж ты, реки из берегов выходят. В наше время такого отродясь не бывало.

Жюль согласился. Он и сам прекрасно видел, что с климатом вот уже несколько лет подряд творится что-то неладное, но всем на это совершенно плевать. Во французской глубинке бабочки быстрее машут крыльшками, а из-за этого в Нью-Йорке ураганы... В общем, так он понял своим умишком среднего гражданина.

Переговариваясь, они поднимались по одной из лесных тропинок, огибавших коммуну Сен-Леже.

— А вот и наше место преступления, — пошутил Жюль.

— Место преступления? Завязывай смотреть свои дурацкие сериалы, у тебя от этого мозги отсыхают.

Обходчикам надлежало отметить породу каждого сломанного или поваленного бурей дерева, измерить его диаметр и прикинуть кубатуру. И так во всей северной части леса. Эта работа могла занять у них дни, а то и недели.

У Жюля всегда щемило сердце при виде древних старцев, проживших один-два века и уничтоженных из-за отсутствия у людей чувства меры. Все эти большие города, заводы, загрязняющие окружающую среду, автомобилисты, торчащие зад к зад в пробках... Промышленное безумие косвенно убивало каждое из этих деревьев, от самого юного до самого старо-

го. А убийство деревьев означало самоубийство человечества и принесение в жертву будущих поколений.

В общем, примерно так.

— Вот черт! Ты это видел?

Арман, забросив на спину рюкзак, уже углубился в лес на несколько метров и вдруг застыл перед поваленным бурей дубом впечатляющей высоты и толщины. Исполину не дали рухнуть другие деревья, которые сплелись с ним своими ветвями и тем самым удержали его на весу. Многие сучья, сломавшиеся под тяжестью мастодонта, грозили упасть.

— Придется в первую очередь заняться им. Опасно. Если и в самом деле грохнется, то все потащит за собой.

Ветер почти стих, небо вновь обрело свою синеву, но дерево продолжало потрескивать. Лес был живым, он испытывал боль, стонал и зализывал свои раны. Арман положил рюкзак на землю, точно отметил в учетной книге указанные GPS-навигатором координаты места, потом достал рулетку и лазерный визир.

Тем временем Жюль пытался понять, почему дерево было внезапно вырвано с корнем, хотя другие, гораздо более слабые, устояли. Дуб не был поражен молнией и повалился единственно из-за порывов ветра. Почему же? Ведь это ее дерево, крепкое, могучее, в полном расцвете. Заинтригованный обходчик подошел к стволу поближе, остерегаясь все-таки сплетения сломанных ветвей, зависших на десятиметровой высоте.

Дерево еще соединялось с землей краем своего солидного комля, падение лишь обнажило часть вывороченных узловатых корней, которые, вместо того чтобы начисто сломаться, остались целы.

— Странно, — сказал Жюль. — Ты концы этих корней видел? На них же не земля, а мох, словно они в пустоте висели.

— Помог бы мне лучше, чем детектива из себя корчить.

— Да я только врубиться хочу, как такое получилось.

— Тоже мне, Шерлок Холмс нашелся. Мы тут для констатации ущерба, а не чтобы понимать. Если будешь читать мне лекцию по ботанике у каждого дерева, то никогда не закончим.

Но Жюль уже не слушал. Осторожно перелез через груды сломанных ветвей и подобрался как можно ближе к корням. Теперь он был у самого основания дерева. Прямо перед ним возвышался огромный круг вывороченной земли с переплетенными корнями. Он заглянул вниз, под дуб, и нахмурился.

— Похоже, под ним пустота.

— Плохое укоренение, это и объясняет, почему он не устоял под напором ветра.

Арман увидел, как его коллега опасно наклонился, чтобы заглянуть еще глубже.

— Ты все-таки поосторожнее там.

Жюлю было бы трудно пробраться дальше, не перемазавшись грязью. Он уже выпрямлялся, когда ему вдруг показалось, что внизу что-то шевельнулось. Удивившись, он стремительно отпрянул назад и устоялся в черную дыру, закрытую, как сеткой, переплетением более тонких корней.

— Вот дерьмо, там что-то шевелится!

— Где?

— Да под деревом. Не знаю, там будто... какая-то впадина вроде пещеры... и в ней что-то есть. А я как дурак испугался.

— Может, зверь в норе сидит?

— Да нет, вроде что-то покрупнее.

Он наклонился и крикнул:

— Эй, есть там кто?

Арман пожал плечами и продолжил свои измерения. Но Жюль не сдавался.

— Достань-ка мне фонарь из рюкзака. Подержишь меня за ноги, а я попробую заглянуть поглубже.

Арман нехотя исполнил просьбу напарника.

— Будто нам делать больше нечего. К тому же перемажемся тут с ног до головы.

Но они взялись за дело. Жюль продвинулся на длину вытянутой руки. Спутанные корни, оставшиеся в земле, позволили ему просунуть в яму голову, но не плечи. Он был уже весь в грязи.

— Вот дерьмо...

Дав задний ход под ворчание коллеги, он зажал металлическую ручку фонаря в зубах и повторил операцию. По его ушам и шее сыпалась земля, ему казалось, что он проваливается куда-то во тьму.

Луч фонаря высветил дальние стенки впадины, на удивление ровные. Жюль повернул голову влево и увидел корни других деревьев, свисающих, словно лианы. Он прищурился и заметил в глубине пещеры гору вскрытых и пустых консервных банок. Их там были сотни.

А на земле вокруг валялось неисчислимое количество сожженных спичек.

— Это что за хрень?

И в тот момент, когда он поворачивался в другую сторону, заметил почти белые, лишённые радужки глаза.

Глаза демона.

Внезапно из глубины ямы вынырнула рука, вцепилась ему в волосы и дернула изо всех сил.

Поглощенный темнотой, Жюль заорал.

4

Жюль заорал.

— Да несу, несу, обжора.

Франк Шарко вынул крошечную бутылочку с соской из подогревателя детского питания. Дальше: протереть пластик, проверить температуру, капнув пару капель на внутреннюю сторону запястья. Везде зеленый свет. Он ринулся в гостиную, успев, правда, обернуться на бегу и проверить, выключен ли газ. Он вечно что-нибудь забывал, и это уже начинало действовать ему на нервы. Стерилизовать бутылочки, присыпать попку младенца тальком до крема, а не потом... Или наоборот, это уже вылетело у него из головы. Он мог провести сложнейшее расследование, но при этом застывал столбом перед подгузником и в течение нескольких минут пытался сообразить, какой стороной куда его вкладывать. Разработчики подгузников

наверняка не подумали о пятидесятилетних мужиках с пальцами толщиной в сигару, которые должны с этим справиться. Решительно с младенцами все было непросто.

Он вернулся бегом. У новорожденного все происходило как по нотам: он систематически орал около трех, семи и одиннадцати часов. Молодой папа пятидесяти одного года от роду бережно доставал его из колыбели, устраивался в кресле и... Куда же он успел надевать бутылочку?

— Ну, тише, тише.

Ребенок перестал кричать, как только отец взял его на руки. Франка Шарко всегда впечатляла эта способность грудных младенцев общаться и приспособливаться. Согласно исследованиям, крик новорожденного может достигать громкости отбойного молотка, но это всего лишь достижение эволюции и борьбы за выживание: ведь он должен суметь докричаться до своей матери при любых обстоятельствах. И эти крики мощно разносились по всему дому. Но в целом, несмотря на беспокойство, соседи были рады за Шарко. В квартале рассказывали, как одинокий, помятый жизнью полицейский обрел наконец частицу счастья «с маленькой сослуживицей-северянкой».

Жюль принялся сосать, как оголодавший. Шарко прижал его к своему сердцу, погладил по щечке. Конечно, руки у него шершавые и узловатые, покореженные годами и нанесенными ударами, но полицейский все-таки еще мог чувствовать нежность младенческой кожи.

У него за спиной раздался мелодичный женский голос:

— Сейчас уже двенадцатый час. Ты не думаешь, что на Набережной¹ в конце концов начнут ворчать из-за твоих вечных опозданий? Заметь, сейчас это уже не опоздание, а отсутствие.

Люси Энебель появилась в легком наряде: всего лишь шорты в горошек и просторная футболка с короткими рукавами. Она прижимала к груди второго ребенка — вторую посылку

¹ Здесь и далее имеется в виду дом № 36 по набережной Орфевр, где располагается штаб-квартира и отделы Регионального управления судебной полиции при префектуре полиции Парижа. — *Здесь и далее примеч. перев.*

с сюрпризом, доставленную прекрасным летним днем 14 июня 2012 года.

— Сейчас все спокойно. К тому же я не собираюсь пропустить день рождения наших близняшек, наших точных копий, — сказал Шарко. — Два месяца — такое ведь стоит отметить?

Люси поцеловала мужа в шею. У нее был усталый вид, и она еще не совсем оправилась от родов. Все еще чувствовала тяжесть в ногах, да и грудь оставалась полноватой, что отнюдь не было противно Шарко. По словам врачей, вполне нормальная ситуация. Даже родившись на три недели раньше срока, Жюль и Адриен были довольно тяжеленькими младенцами, такими мини-Шарко, что для близнецов было скорее редкостью. И за восемь месяцев с небольшим они выкачали из матери все ее ресурсы. Под конец изнуренная Люси сравнивала себя с выброшенным на берег китом и уже только лежала, опасаясь преждевременных родов.

Увенчало эту беременность кесарево сечение на операционном столе.

Вот и сделайте после этого ребятишек.

Она заметила в кресле пару наручников.

— Франк... Ты опять за свое?

— Его успокаивает, когда я трясу ими у него над головой. Клянусь тебе, ему нравится! И вообще это в десять раз лучше, чем их дебильные погремушки.

— Быть может, но я не хочу, чтобы наши дети видели всякие гадости. К тому же скоро к нам нагрянет моя матушка. Так что, пожалуйста, убери их подальше.

Люси пошла за вторым рожком. Некоторое время назад они пытались синхронизировать близнецов, у которых все было вразнобой. Каждую ночь начинался сплошной фейерверк из криков, мокрых подгузников, шумных глотаний. Люси-то это было не впервой, поскольку десятью годами раньше она уже производила на свет близнецов.

Она устроилась рядом с Шарко. Жюлю надо было дать передохнуть, он сосал слишком быстро и захлебывался. Папа отнял бутылочку от его губ и слегка стукнул ею о ту, что держала Люси.

— За их здоровье. За второй мини день рождения парочки мини-Шарко.

— За наших двойняшек. Пусть растут здоровыми и счастливыми.

— Мы все для этого сделаем.

Молодые родители обменялись улыбками. О существовании второго эмбриона они узнали только на десятой неделе беременности. Люси могла бы без запинки описать выражение лица Франка, стоявшего перед черно-белым экраном УЗИ, когда они впервые увидели эти две крохотных фасолинки. Он пустил слезу, да и она тоже. Судьба решила наконец больше не злиться против них и подарить им разом двух прекрасных детишек: однояйцевых братьев с идеально одинаковыми чертами. Конечно, они никогда не заменят ни прежних близнецов Люси, Клару и Жюльетту, ни Элоизу, дочь Франка, но эти дети, заключая в себе все то, что потеряли их родители, будут расти с глазами тех детей, которые уже не с ними, с глазами трех своих покойных сестер...

Когда-нибудь придется рассказать им обо всем этом, подумал Шарко с грустью.

Адриен принялся сосать с тем же пылом, что и Жюль. Шарко отличал его от брата благодаря забавной косой складочке на лбу, из-за которой он слегка смахивал на пирата. Пирата, у которого вместо океана околоплодные воды.

— Буря сегодня ночью все разворотила на террасе, растения перевернуты, навес сорван, — сказал он Люси. — Я слушал радио — разрушения повсюду. К нам, вообще-то, должны зайти в два часа, может, стоит отменить визит, чтобы навести порядок?

— Ах да, еще один визит... Меня это уже начинает доставать. Нет, пускай приходят, я выгляну наружу и немного наведу там порядок. Думаешь, у этих серьезные намерения?

Их переезд в одноэтажный дом площадью сто двадцать метров в десяти километрах южнее был намечен на середину сентября. Но вот уже два месяца они безуспешно пытались продать свою нынешнюю квартиру: увы, состояние финансов заинтересовавшихся покупателей оставляло желать лучшего.

Они приходили, говорили, что квартира симпатичная и окрестности приятные, но что им никак не удастся получить ссуду в банке на приобретение жилья. Шарко знал, что рано или поздно придется снизить цену, чтобы не влезать в ипотеку и не платить чудовищные проценты при покупке нового дома.

— В агентстве говорят, что это молодая пара. Оба вполне обеспечены, и, по мнению коммерческого отдела, интерес, похоже, тоже имеется. Так что должно получиться.

— Им еще и квартира понравиться должна. А десять лет холостяцкой жизни полицейского из уголовки невозможно спрятать, просто перекрасив стены.

Телефон Шарко завибрировал. Он узнал номер — без всякого воодушевления.

— Это Белланже.

Взгляд Люси блеснул.

— Тогда надо скорее ответить.

Шарко поколебался, потом все-таки принял вызов начальника. Продолжая худо-бедно заниматься ребенком, он зажал трубку между ухом и плечом. Телефон выскользнул на пол. Люси помогла ему, подхватив Жюля свободной рукой. Шарко был неловок, часто паниковал, и ему требовалось время, чтобы снова обрести отцовские рефлексы. Но он очень старался, и Люси всегда прощала ему ошибки, порой грубые.

Франк подобрал мобильник и отошел в сторонку.

Люси видела, как он морщился, время от времени отвечая короткими фразами: «Когда?» или «Где?». Она сразу поняла, что мужу придется уехать. И она, вероятно, сама последовала бы за ним, если бы не дети. Несмотря на все неприятности и ужасы ремесла полицейского, оно накрепко въелось в ее плоть и кровь, и ей не терпелось вернуться к нему через две недели.

Шарко положил трубку.

— Ну, что там? — спросила Люси.

Он опустил на колени и поправил Адриену слюнявчик своими ручищами. Шарко уже и забыл, какими маленькими и хрупкими могут быть дети. Он так завидовал их невинности.

— Придется сгонять в сторону Компьени, — сказал он тихо, словно желая уберечь от этого детей. — Белланже уже на месте.